

<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-260-279>
<https://elibrary.ru/BIOGIX>
Рецензия
УДК 821.161.1.09"19"

© 2024. И. В. Пырков

Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Россия

© 2024. Т. А. Золотова

Марийский государственный университет
г. Йошкар-Ола, Россия

Нероманный Гончаров: рецензия на новую книгу о поэтике И. А. Гончарова¹

Аннотация: Статья представляет рецензию на монографию гончароведа Г. Г. Багаутдиновой, посвященную поэтике нероманной прозы И. А. Гончарова. Рассматривая малоизученную сторону гончаровского наследия сквозь призму «рамочного текста», автор монографии подробно характеризует такие доминирующие компоненты нероманной поэтики Гончарова, как «кумулятивность», трактуемая комментатором в русле фольклоризма, «орнаментальность», понимаемая как геометрия риторических фигур, и ритм прозы как объединяющее все художественные компоненты начало. В рецензии особое внимание уделяется новым подходам к интерпретации поэтики Гончарова.

Ключевые слова: Г. Г. Багаутдинова, И. А. Гончаров, поэтика, нероманная проза, ритм, рамочный текст, малая эпическая форма, интерпретация.

Информация об авторах: Иван Владимирович Пырков, доктор филологических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия, ул. Чернышевского, д. 104, 410056 г. Саратов, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

E-mail: allekta@yandex.ru

Татьяна Аркадьевна Золотова, доктор филологических наук, профессор, Марийский государственный университет, пл. Ленина, д. 1, 424000 г. Йошкар-Ола, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3734-1514>

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 04.09.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 17.10.2024

Дата публикации статьи: 25.12.2024

Для цитирования: Пырков И. В., Золотова Т. А. Нероманный Гончаров: рецензия на новую книгу о поэтике И. А. Гончарова // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 260–279. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-260-279>

---

¹ Рецензия на книгу: Багаутдинова Г. Г. Поэтика нероманной прозы И. А. Гончарова: монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2024. 296 с.

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 260–279. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 260–279. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2024. Ivan V. Pyrkov
Saratov State Law Academy
Saratov, Russia

© 2024. Tatiana A. Zolotova
Mari State University
Yoshkar-Ola, Russia

Non-Novel Goncharov: Review of a New Book About I. A. Goncharov's Poetics¹

Abstract: The article presents a review of the monograph by Goncharov scholar G. G. Bagautdinova, dedicated to the poetics of the non-novel prose of I. A. Goncharov. Considering the little-studied side of Goncharov's legacy through the prism of the "framework text," the author of the monograph characterizes in detail such dominant components of Goncharov's non-novel poetics as "cumulativeness," interpreted by the commentator in the mainstream of folklorism, "ornamentality," understood as the geometry of rhetorical figures, and the rhythm of prose as a beginning that unites all artistic components. The review pays special attention to new approaches to the interpretation of I. A. Goncharov's poetics, carried out by the researcher on a wide range of textual material, and analyzes the range of questions posed in the study and the scientific effectiveness of addressing them as well as the structure of the monograph.

Keywords: G. G. Bagautdinova, I. A. Goncharov, poetics, non-novel prose, rhythm, frame text, small epic form, interpretation.

Information about the authors:

Ivan V. Pyrkov, DSc in Philology, Professor, Saratov State Law Academy, Chernyshevsky St., 104, 410056 Saratov, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3480-3824>

E-mail: allekta@yandex.ru

Tatiana A. Zolotova, DSc in Philology, Professor, Mari State University, Lenin Sq., 1, 424000 Yoshkar-Ola, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3734-1514>

E-mail: zolotova_tatiana@mail.ru

Received: September 04, 2024

Approved after reviewing: October 17, 2024

Published: December 25, 2024

For citation: Pyrkov, I. V., Zolotova, T. A. "Non-Novel Goncharov: Review of a New Book About I. A. Goncharov's Poetics." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 260–279. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-260-279>

---

¹ Book review: Bagautdinova, G. G. *Poetics of Non-Novel Prose by I. A. Goncharov*. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2024. 296 p.

Художественное наследие Ивана Александровича Гончарова (1812–1891) представлено значительным корпусом разножанровых произведений, включая романы и очерки, повести и стихотворения, литературно-критические статьи и путевые заметки. Традиционно исследователи обращались в первую очередь к романной стороне гончаровского творчества и к «Фрегату “Паллада”» — книге путевых очерков. Значительная же часть созданных в разные периоды жизни писателя произведений малой и средней эпической формы, долгое время оставаясь за ватерлинией передового научного интереса, интенсивно осваивается наукой о Гончарове в новейшее время. Особенно это касается ранних повестей и «очерков-новелл», завершающих творческий путь писателя [Денисенко; Багаутдинова 2023; Мельник 2017; Швецова].

Г. Г. Багаутдинова учитывает и творчески осмысливает опыт исследователей (В. И. Мельника, С. В. Денисенко, Н. Л. Ермолаевой, Н. В. Калининной, О. В. Макаревич, В. И. Холкина), подробно анализирующих нероманские произведения Гончарова, в частности — вопросы сюжето- и жанрообразования, междуродовых влияний, литературных взаимодействий. «Вместе с тем, — справедливо отмечает Г. Г. Багаутдинова, — в изучении нероманной прозы не восполнены многие научные лакуны, а именно: вопросы, касающиеся изучения художественной структуры, решение которых позволяет выявить некоторые художественные закономерности в поэтике <...>, изменить ракурсы интерпретации и создать новые художественные векторы» [Багаутдинова 2024: 20]. Действительно, специальных моноисследований, посвященных непосредственно поэтике нероманной прозы И. А. Гончарова, до сих не предпринималось. Таким образом, монография Г. Г. Багаутдиновой «Поэтика нероманного текста» оказывается весьма своевременной для науки о Гончарове, не только восполняя определенные пробелы, но и намечая весьма перспективное направление для дальнейших поисковых усилий.

К монографическому осмыслению заявленной темы Г. Г. Багаутдинова шла не один год, о чем свидетельствуют ее предыдущие книги, статьи в реферируемых изданиях и регулярные выступления на Международных научных конференциях [Багаутдинова 2018а; Багаутдинова 2018b; Багаутдинова 2023]. Новая книга исследователя стала важным промежуточным итогом для автора, определенным рубежом, на котором необходимость суммировать полученные научные сведения совпала с необходимостью поделиться ими с коллегами-специалистами и всеми, кто интересуется творчеством Гончарова.

Какое же место в художественном мире романиста занимает нероманный текст, какую новую информацию о художнике-Гончарове транслирует он исследователям и читателям, сопоставима ли его художественная ценность с собственно романским наследием?

Классическая литература сегодня — не только важная составная часть культурного наследия народов мира, но и коммуникативная модель, площадка, на которой оформляются и циркулируют разнообразные практики и опыты репрезентации действительности. Обращение к исследованию ее выдающихся образцов, в частности и творчества И. А. Гончарова, с привлечением данных других гуманитарных наук

(философии, психологии, культурологии, социологии, антропологии, фольклористики и др.) и новой методологии представляется принципиально значимой и актуальной проблемой. Пафос исследования Г. Г. Багаутдиновой направлен на создание единой платформы для изучения произведений литературы, заключающей в себе как теоретические, так и практические установки современной филологии. Деятели культуры, на рубеже XX–XXI вв. заявлявшие о необходимости радикального переосмысления традиций русской классики, в настоящее время занимают умеренные позиции, рассматривая произведения предшественников, в том числе и как матрицу для создания новых текстов. В этом смысле опыт прочтения нероманной прозы Гончарова в единстве и тесном взаимодействии с его крупными произведениями, более того как своеобразной Вселенной, живущей по выверенным и проверенным временем законам, трудно переоценить.

Книга Г. Г. Багаутдиновой с необходимостью возвращает нас к чтению произведений Гончарова, объединенных термином «нероманная проза», и мы с удивлением замечаем, что они в достаточной степени современны, созвучны тем экспериментам, которые осуществлялись в русской литературе на протяжении последних тридцати лет. Орнаментальность и знаменитые повторы и перечни писателя (в современной постмодернистской критике «необарокко» и «космос письма») — это то, что выделяет поэтику Гончарова на фоне крупнейших произведений второй половины XIX в., и одновременно актуализирует ее во времени и пространстве современности. Безусловно, концепция, представленная в книге, заинтересует как ученых, занимающихся изучением творчества Гончарова, так и широкую общественность.

В самом названии монографии Г. Г. Багаутдиновой — «Поэтика нероманного текста» — заложена определенная научная новизна и актуальность. Дело в том, что творчество Гончарова нередко называют «романоцентричным». «В отличие от Тургенева, Григоровича или Писемского, деливших свои симпатии между романом и иными жанрами, автор “Обыкновенной истории” с самого начала *романоцентричен*, — заключает известный гончаровед В. А. Недзвецкий. — Его ранние повести и очерки не просто содержат зародыш ряда мотивов и образов будущей “трилогии”, но как бы “заготовливают” ее основные структурные компоненты. К “Обломову”, “Обрыву” в свою очередь тесно примыкают созданные после них “Литературный вечер”, “На родине”,

“Слуги старого века”. Только в контексте романной “трилогии” можно правильно осмыслить и “Фрегат «Паллада» <...>» [Недзвецкий: 27]. Думается, что аналитическое внимание к поэтике «нероманного текста» ни в коем случае не противоречит тезису о «романоцентричности», но как бы высветляет и масштабирует оборотную — нероманную — сторону гончаровского творчества, нередко до сих пор все еще, как было подчеркнуто выше, затененную. Подобная масштабировка весьма актуальна не только для академического гончароведения, но и, например, для вузовских и школьных интерпретаторских практик — то есть для разносложных уровней освоения гончаровского наследия.

Композиция монографии Г. Г. Багаутдиновой близка к системообразующему для гончаровского художественного мира понятию «архитектоника». Пяти крупным тематическим разбивкам исследования соответствуют пять монографических глав, презентующих одну из взаимосвязанных тем-проблем, артикулируемых и последовательно раскрываемых в книге. «Поэтика рамочного текста в нероманной прозе И. А. Гончарова», «Кумулятивные принципы в нероманной прозе И. А. Гончарова: аспекты фольклоризма», «Орнаментальность в нероманном произведении И. А. Гончарова: проблемы поэтики», «Поэтика ритма в нероманной прозе И. А. Гончарова», «Поэтика повтора в больших эпических формах И. А. Гончарова: постановка проблемы» — как видим, главы монографии расположены по принципу ступеней, поэтапно осваиваемых исследователем.

Каждая из пяти глав книги, посвященная разным аспектам изучения нероманной прозы, будь то «рамочный текст» или «поэтика ритма», открывается подробнейшим анализом вынесенных в заглавие понятий предшественниками автора. Предлагаются определения понятий, называются исследователи, занимающиеся данным вопросом, в свою очередь осмысляются их концепции, таким образом воспроизводится весь путь формирования того или иного смысла. При этом принимаются во внимание и концептуальные исследования, и отдельные суждения, замечания, комментарии.

Важно отметить, что монография написана современным языком в широком смысле этого слова, и это, прежде всего, касается методологических установок исследования. Автор неоднократно подчеркивает, что «одной из актуальнейших задач современного гончароведения является целостное осмысление творческого пути писателя, предпола-

гающее изучение поэтики малых и средних эпических форм» [Багаутдинова 2024: 8]. Соответственно в качестве основного исследовательница называет междисциплинарный подход, который реализован как в широком (идея комплексности), так и в собственно филологическом (взаимодействие лингвистических и литературоведческих приемов анализа) смыслах. Здесь же надо искать и обоснование логики расположения материала в книге: «от внешнего своеобразия текста (его формы) к содержательным особенностям» [Багаутдинова 2024: 21].

В своих исканиях Г. Г. Багаутдинова, как правило, начинает с мельчайших фонетических единиц (например, звуковых повторов), от них переходит к морфологическим (ритмообразующие однородные члены предложения) и синтаксическим (параллелизм предложений) конструкциям и далее идет к ритмике диалогов, хронотопа и, наконец, к ритмообразующим принципам создания образов-персонажей. Характеризуя подобную структуру, исследовательница использует сравнение с принципом «матрешки»: более мелкий фактор, прием, средство помещается в более крупный или соединяется с ним; в свою очередь происходит их объединение и таким образом создается другой прием, другой фактор и т. д. Широко используются статистические и графические методы: они наглядно демонстрируют преимущества тех или иных приемов (например, повторов) в оформлении доминантных особенностей поэтики писателя (кумулятивности, орнаментальности, ритмики).

Перейдем к анализу концепции книги Г. Г. Багаутдиновой по существу. Она сводится к следующим положениям. Так, одной из определяющих особенностей нероманной прозы Гончарова является не только сосуществование, но и взаимодействие на уровне поэтики традиций, присущих разным культурам и жанрам, имеющим как фольклорные, так и книжные истоки. При этом, по мнению Г. Г. Багаутдиновой, осуществляется этот своеобразный синтез писателем вполне осознанно и целенаправленно. Так рождаются произведения с практически взаимоисключающими друг друга эстетическими признаками. Данный процесс обозначен в книге исследовательницы термином «конгломеративность»: «В текстах достаточно органично и целенаправленно сосуществуют, взаимодействуют разные поэтики, присущие разным культурам, эпохам, родо-видожанровой направленности, имеющие как фольклорные истоки, так и книжные» [Багаутдинова 2024: 284].

Интересны в этом плане наблюдения, сделанные автором относительно текста, например, «Ивана Савича Поджабрина», в котором писатель соединяет черты «физиологического очерка», водевиля и новеллы, или «Ухи» — с одной стороны, нравоучительного очерка, с другой — анекдотической сказки, и других произведений писателя. Исследовательница не считает возможным соотносить эту особенность организации материала с феноменом «разномирности» М. М. Бахтина, но тот факт, что открыт данный феномен на материале творчества Достоевского, свидетельствует о некоторых общих тенденциях в прозе второй половины XIX в.

Уникальность же художественной системы Гончарова заключается в ее рациональности, это мир, как пишет исследовательница, в котором много «задуманного, придуманного, продуманного, выстроенного, упорядоченного». Таким образом, нероманные тексты писателя, считает Г. Г. Багаутдинова, «как бы выпадают из малой и средней жанровой эпической формы, приближаясь к романному миру, но не по смысловому наполнению, содержание их в целом незамысловато, а по форме» [Багаутдинова 2024: 285]. Жанровая природа малых и средних эпических форм писателя, так же, как и их структура, утверждает автор монографии, «имеет усложненную художественную природу, однако весьма целостную и искусно сконструированную» [Багаутдинова 2024: 284]. Хочется отметить и еще один принципиально важный момент. Используя поэтику «тождества» (термин Ю. М. Лотмана), писатель, по мнению исследовательницы, воссоздавал узнаваемые, в том числе и для современного читателя, культурные коды, присущие фольклору, древнерусской литературе, основным направлениям новой литературы (классицизму, сентиментализму, романтизму, реализму), а также типы речи (проза, поэзия) и роды литературы (эпос, драма).

Во многих отношениях новаторской можно считать вторую главу книги, посвященную исследованию принципа кумуляции в нероманной прозе Гончарова. Данное явление уже привлекало внимание гончароведов. В работах А. Г. Гродецкой данный принцип рассматривался в пределах литературоведческих аналогий («беспричинность начала действия», «отсутствующая завязка», «финальная катастрофа» и др.) [Гродецкая: 166]. Г. Г. Багаутдинова усматривает в ряде текстов, и прежде всего в таких произведениях, как «Уха», «Май месяц в Петербурге», «Превратность судьбы», а также во «Фрегате “Паллада” — фольк-

лорное начало. Представляется, что книга Багаутдиновой — это одно из немногих исследований, в которых предпринята успешная попытка показать обращение писателя именно к фольклорным формульным образованиям. В процессе анализа произведений автор использует наблюдения над структурой разных жанров фольклора и применительно к литературному материалу развивает и обогащает их. Наряду с традиционной фольклорной основой кумуляции — вариацией повторений определенного сюжетного элемента — звена («Уха»), разрабатывает понятия «жестовой кумуляции», «множественной кумуляции», «кумулятивного хронотопа» («Май месяц в Петербурге»); обращает внимание на «спорадические» ее проявления («Превратность судьбы»), а также кумулятивные диалоги и словесные репризы («Иван Савич Поджабрин», «Слуги старого века», «Обыкновенная история», «Фрегат “Паллада”»). Исследование функционального поля данного приема позволяет Г. Г. Багаутдиновой уточнить характеры персонажей, стилевые и жанровые особенности названных выше произведений.

С традициями древнерусской литературы и шире риторической прозы вообще связывает исследовательница присущее прозе Гончарова качество орнаментальности. Безусловно, на том детальном уровне, который представлен в книге Г. Г. Багаутдиновой, этот аспект творчества писателя представлен впервые. Исследовательница убедительно показывает, что рисунок орнаментального порядка создается в нероманной прозе Гончарова как разнообразными лексическими повторами (художественными приемами), так и фигурами речи (орнаментальными средствами). «Орнаментальность» может возникать и в результате использования «чужого» слова. Примеры такого рода в творчестве писателя многочисленны и находят свое выражение в цитации, особенностях словоупотребления, грамматико-семантических усложненных конструкциях и т. п. С орнаментальностью исследовательница связывает игровое начало (каламбуры, макароническую речь и др.), а в содержательном плане — появление дополнительных смыслов, обогащающих тексты и расширяющих их контекстуальную значимость.

В настоящей книге Г. Г. Багаутдиновой, а также в предшествующей ей серии статей подробно разработан вопрос о разновидностях «ритмической прозы», способах и приемах ее создания, в том числе и в нероманных произведениях Гончарова. Исследовательница выделяет,

по крайней мере, четыре ее вида («ритмическую прозу», «ритм художественной прозы», «орнаментальную прозу», кумулятивную прозу) с присущими каждому из них специфическими особенностями.

Надо сказать, что ритмическая организация прозы Гончарова — одна из важнейших, ключевых проблем, освещенных в монографическом исследовании. До относительно недавнего времени эта многоаспектная проблема не являлась для гончароведения системообразующей. Анализ гончаровской поэтики традиционно «обходил» без апелляции к ритмическому строю «Обломова» или, допустим, «Фрегата «Паллада», не говоря уже о «раннем» и «позднем» творчестве писателя, о его очерках-новеллах. И только после концептуальных работ Г. Г. Багаутдиновой, Н. А. Гузь, И. В. Пыркова [Багаутдинова 2018b; Гузь; Пырков 2006; Пырков 2017] ведущие исследователи начали признавать безусловную значимость изучения ритма на многомерных уровнях гончаровского текста. Появилось и осмысление идейно-эстетического потенциала, заложенного в ритме прозы И. А. Гончарова. В настоящее время продолжается интенсивный поиск параллелей между ритмом прозы Гончарова и природой его эпики. Так, В. И. Мельник называет ритм («вопрос о ритмической повторяемости») *главной* особенностью поэтики Гончарова, обнаруживающей «глубинную основу его эпического мирозерцания и авторского самовыражения» [Мельник 2022: 119]. В монографии Г. Г. Багаутдиновой впервые исследуется «ритмическая организация произведений малых и средних эпических форм» [Багаутдинова 2024: 176], что делает данный труд и по-настоящему современным, и новаторским.

Например, на материале «Литературного вечера» исследователь выделяет ритмообразующие средства, актуализируемые писателем для создания портретных характеристик: одежда, наружность, аудиальное впечатление, визуальное впечатление, комплекс ощущений, интертекстуальность. При этом комментатор как бы разбирает текст на первоэлементы, фиксируя микро и макро-закономерности его создания. «Главным ритмообразующим средством, создающим портрет графа Пестова, является антитетический параллелизм в составе сложного синтаксического целого: «Он *поминутно* забывал, о чём говорит... Зато (...) он помнил до мелочей свой *век*...» [Багаутдинова 2024: 223]. Анализируя диалоги в «Лихой болести», Г. Г. Багаутдинова приходит к выводу об особой организации диалогических единств

у Гончарова, близких по графике и семантике к драматургическим. «...Уникальность некоторых произведений нероманной прозы, — заключает автор монографии, — состоит в том, что писатель использует структурные принципы драматического рода литературы, графически маркируя реплики персонажей...» [Багаутдинова 2024: 213]. Исследовательница обозначает в данном случае весьма перспективное направление — эстетическую и семантическую наполненность гончаровского диалога. Гончаровед Н. Л. Ермолаева не без оснований считает, что «привлечение драматургического начала» помогает И. А. Гончарову в романах и очерках (в частности, «Литературном вечере») «заинтересовать читателя важными для писателя идеологическими, общественными, эстетическими, этическими проблемами» [Ермолаева: 223].

Вспомним, как в «Обломове» реплики Ильи Ильича буквально отзеркаливаются репликами Ольги Ильинской (и наоборот), создавая эффект отражения, почти калейдоскопической симметрии, сходящейся в кульминационных по смыслу диалоговых точках-звеньях.

— Сирени... отошли, пропали!.. Вон, видите, какие остались: поблеклые!

— Отошли, поблекли! — повторил он, глядя на сирени...» [Гончаров 1998. 4: 261].

Иногда, в том же «Обломове», языковая симметрия проявляется в пределах одной реплики, наделяя ее дополнительными смыслами, как это происходит в разговоре Ильи Ильича с Захаром, касающегося печально знаменитых «других»: «Ну-ка, реши: как ты думаешь, *другой* я — а?» [Гончаров 1998. 4: 92].

Нероманные диалоги, судя по всему, не менее загружены семантическими обертонами, а их графика, как и в романах, прямо влияет на восприятие текста. Приглядимся внимательнее, вслед за автором монографии, к следующей вполне себе драматургической сценке из очерка «Лихая болеть»:

Фекла: — Есть масло, сливки, собирать ягоды и грибы.

Зинаида: — Взирать на лазурь неба, дышать ароматами цветов, глядеться в водный ток, блуждать по злаку полей.

Вереницын: — Ходить с трубкою даже до усталости, смотреть на все задумчиво и заглядывать в каждый овраг.

Бабушка: — Сидеть на траве и жевать изюм.

Старший сын, студент: — Есть черствый хлеб, запивать водой и читать *Виргилия* и *Феокрита*.

Володя: — Лазить по деревьям, доставать гнезда и вырезать из сучьев дудки.

Марья Александровна: — Короче, наслаждаться в полном смысле этого слова. За городом воздух чище, цветы ароматней <...> [Гончаров 1997. 1: 43].

Диалог действительно (согласимся с Г. Г. Багаутдиновой) построен здесь по драматургическому принципу: персонаж — реплика, персонаж — реплика. Для Гончарова — это нередкий ход, он любит выстраивать текст, прочерчивать между звуками-словами-предложениями сложнопересеченные линии. «Подобной геометрией, — полагает исследовательница, — соизмеримость предложений не просто усиливается, а становится зримой, явной. Кроме того, предложения соотносятся друг с другом по принципу синтаксического параллелизма, так как имеют одинаковую структуру: инфинитивный зачин («взирать», «ходить», «сидеть», «есть», «лазить», «наслаждаться»), поддерживаемый однородными глагольными конструкциями («дышать», «глядеться», «блуждать», «смотреть», «запивать», «читать», «доставать», «вырезать»). Заключительное предложение (реплика Марьи Александровны) вносит ритмическое разнообразие в общий рисунок, так как имеет другую синтаксическую структуру: сложное бессоюзное предложение. Кроме того, семантически оно подытоживает все то, о чем говорили предыдущие персонажи...» [Багаутдинова 2024: 214].

Г. Г. Багаутдинова приходит к выводу о том, что ритм пронизывает все уровни текста Гончарова, образует «звуковую, грамматическую (синтаксическую) структуры; персонажную систему, хронотоп» [Багаутдинова 2024: 247]. С ним связаны и такие важные особенности прозы писателя, как интертекстуальность, металитературность, контрастность стиля, синтез жанров. На этом основании исследовательница считает возможным говорить о полиритмической природе творчества писателя, которая находит свое выражение и в «больших» романах, и во «Фрегате “Паллада”».

Существенное внимание уделяет автор книги «ритмообразующим однородным дополнениям» («Слуги старого века»), роли «ритмико-перечислительных рядов» («Май месяц в Петербурге») и особенно звуковым повторам («Счастливая ошибка»).

Хотелось бы обратить внимание и на детальную разработку Г. Г. Багаутдиновой приема повтора. Он приобретает в работе поистине универсальное значение, анализируется на разных уровнях текста: повтор звуков, лексем, предложений, диалогов; организации текста (кумулятивность, «орнаментальность»). При этом разнообразие видов повторов в нероманной прозе Гончарова, что, несомненно, придает анализу почти математическую точность, уподобляются исследовательницей геометрическим линиям и фигурам: «точка» (риторическое восклицание), «линия» (лексические повторы, полиптотон, антитеза, хиазм), «поверхность» (параллелизм, симплока, анафора, эпифора), «объем» (кольцо). Именно повторы, по мнению автора, придают прозе писателя структурированность и симметричность, являются «цементирующей основой» его художественной системы¹.

Чтобы проиллюстрировать, насколько тщательно и тонко ведется анализ гончаровского слова автором монографии, дадим чуть более развернутые цитаты:

Дополнительная ритмизация в «Счастливой ошибке» создается различными аллитерационными повторами согласных [с], [ст], [в], [ч]. Например: «Тоска глубже впиалась в его сердце, червь отчаяния сильнее шевелился в груди среди чада великолепного бала; молодой человек сильнее чувствовал свое одиночество». Или: «Мучительно оскорбить человека и вдобавок человека, которого любишь, и страдать без прощения, ежеминутно сознавая вину... [Багаутдинова 2024: 186].

И еще пример вживания в гончаровский текст:

---

¹ Отметим как весьма перспективную и подтверждаемую многочисленными выборками из романых и нероманых текстов мысль Г. Г. Багаутдиновой о геометрии, ставшей неотъемлемой частью поэтики и эстетики И. А. Гончарова.

Рассмотрим комбинации художественных средств, присущие разным видам прозы <...> «*Сострадание*, — спросите вы, — *как? почему? какое?* Да, *сострадание*, милостивые *государи и государыни*, глубокое *сострадание*». Эти предложения, построенные в форме «вопрос — ответ», выражают сочувствующую точку зрения рассказчика Филиппа Климыча на историю гибели семейства Зуровых. Предложения риторически украшены и ритмически соразмерны: перечисление однотипно построенных неполных вопросительных предложений, структура двух из которых включает в себя звуковую анафору «как», причем третья анафора «какое» словно бы вобрала в себя анафору «как», которая является зачином первого предложения. Кроме того, троекратный повтор лексемы «сострадание» образует одновременно две фигуры речи: стык и кольцо. Повтор на разных уровнях формы и содержания текста является излюбленным и частотным художественным средством И. А. Гончарова-автора. Здесь же наблюдаем полиптон — «государи и государыни». Ритмичность создают и звуковые повторы гласных и согласных звуков [а], [с], [ст] [Багаутдинова 2024: 236].

Может возникнуть вопрос: а какое, собственно, новое знание о Гончарове и его методе дает столь подробный и разноуровневый ритмический анализ нероманных текстов писателя? И вообще целесообразно ли уделять столь пристальное внимание языковым — в том числе на уровне буквы-звука — закономерностям? Знания о хиазмах, полиптонах, анафорах — что дает оно науке о Гончарове принципиально нового, на какие обобщения может вывести? Ценность исследовательского труда Г. Г. Багаутдиновой в том и заключается, что собственно литературоведческий разбор неотделим в нем от анализа языкового. Применительно к прозе Гончарова подобный подход особенно результативен, поскольку в его «романной» и «нероманной» прозе огромное значение придается работе со словом — начиная от звуковой оркестровки и заканчивая той самой архитектурикой. Г. Г. Багаутдинова, не стремясь объять необъятное и объяснить необъяснимое, последовательно воссоздает механику работы автора со словом. Сила исследовательского подхода Г. Г. Багаутдиновой — в его безусловной строгой системности. Единичный, случайностный, даже самый яркий пример не всегда иллюстративен. Но когда примеры орнаментирования прозы, ее звуковой оркестровки, ее синтаксических параллелей, ее образности, а вместе с тем ее жанровых установок и сюжетики приводятся столь

системно и масштабно — фрагменты мозаики складываются в общую картину, а внешний, казалось бы, орнамент становится ключом для понимания глубинных творческих процессов.

Так, в процессе анализа разновеликих орнаментов и ритмических звеньев нероманной прозы исследовательница выходит на разговор о феномене «рамочного текста», глубинно связанного, как выясняется из монографии, не только с «семантикой заглавий и эпитафий», но и со спецификой «персонажной системы, хронотопа, интертекстуальных взаимодействий, жанровых особенностей» [Багаутдинова 2024: 283]. Собственно, монография и начинается с главы, посвященной этому явлению. И, по сути, апелляция к рамочному тексту становится ее лейтмотивом. С использованием современных подходов и методов в монографии анализируется типология названий, а также область «эпитафии» произведений нероманной прозы Гончарова. Интерпретация заглавий позволила исследовательнице показать некоторые существенные особенности персонажной системы, хронотопа текстов, проследить взаимодействие с традициями древнерусской литературы, в ряде случаев высветить их новую семантику. Эпитафии, в свою очередь, продемонстрировали культурные предпочтения писателя и возможности метафорического осмысления произведений малой и средней эпических форм.

В литературно-критических статьях и эпистолярных И. А. Гончаров, в разных контекстах и огласовках, в том числе в письмах к К. Р., писал о «ключе в нотах» [Гончаров 1993: 98], возможно намекая на некоторые эстетические шифры, которые в литературном ремесле и в его наследии ждут расшифровки. Г. Г. Багаутдинова опирается в монографии на блестящую мысль Ю. М. Лотмана о «сложных смысловых токах» [Лотман: 132], заложенных в заглавиях и порождающих новые значения. Рамочный текст становится в исследовании своего рода ключом к пониманию художественных соответствий, а шире — к не открытым еще до сих пор дверям и дверцам художественного мира Гончарова. Например, это касается очерка «Поездка по Волге», не вызывавшего, и думается напрасно, пристального внимания комментаторов.

Очерк этот, при внешней упрощенности формы, далеко не простой. Романист вступает, так сказать, в постобрывный период своего творческого пути, полный раздумий, саморефлексий, скепсиса. Съёмная квартира на Моховой становится последней каютой фрегата его

жизни. И последним рубежом его нравственного выбора: писатель до последнего дня будет заботиться об осиротевших детях своего камердинера Карла Трейгута. Не обращаясь более к романам, Гончаров, тем не менее, немало пишет — в том числе блестящих литературно-критических статей и очерков-новелл. Это время мысленных возвращений, реконструкций, воспоминаний. «Поездка по Волге» не становится исключением — в центре очерка рассказ о давней поездке по Волге в родной Симбирск. Все эти обстоятельства определенным образом называются на природе очерка, его колорите, свете и цвете, ритме. Г. Г. Багаутдинова очень тонко подмечает, что в очерке совмещены несколько хронопов: «автобиографический; географический; хронотоп-мечта; артистический; социальный; этнографический. Доминирует артистический хронотоп, специфику которого выявляет образ художника Ивана Иваныча Хотькова» [Багаутдинова 2024: 39]. Действительно, перед читателями предстает несколько изменившийся, а в чем-то остающийся прежним художник-странник. Некое эхо Бориса Райского, его рефлексивный ответ. Идея странничества, дороги, поиска, в том числе и духовного, вынесенная в заглавные рамки, придает очерку в целом многомерность и узнаваемость, делает его очень «гончаровским». Г. Г. Багаутдинова весьма тонко отмечает значимость социального хронотопа, «ранжированность» пространства парохода — градации кают (первого и второго класса), срезы профессий-чинов-статусов (кондуктор, сторож, художник, мельник, кузнец, приказчик, буфетчик), среди пассажиров — барыня и дамы, кроме высших сословий — мужики, бабы. «Но все эти персонажи являются лишь упоминаемыми, — полагает исследовательница. — Они не переходят в характеры, образы». [Багаутдинова 2024: 44]. А вот здесь с Г. Г. Багаутдиновой хотелось бы по дискутировать: у Гончарова даже всего лишь промелькнувший персонаж нередко становится образом. Собственно, сама логика монографического исследования Г. Г. Багаутдиновой предрасполагает к дальнейшему поиску, к вопросу — а что, все-таки, кроется у Гончарова за пусть и беглым упоминанием того или иного героя? Например, Гончаров рисует образ старухи с «внукой». Мы узнаем из текста, что у старухи умерли дочь, зять, сноха (мотив сиротства, все отчетливее звучащий у позднего Гончарова), и осталась только «внука», с которой пытается добраться она до родной Ключихи. «Куда деться-то с внучкой. О, ох, ох!» — причитает старуха [Гончаров 1952. 7: 453]. Художник Хотьков

бросает карандаши и кисти, чтобы помочь странникам. Его примеру следуют автор и пассажиры. «Там ему клали в фуражку кто грош, кто два; другие, узнав, для кого собирают, дали краюху хлеба, связку баранок и три печеные яйца» [Гончаров 1952. 7: 453]. Получается так, что автор неожиданно для себя узнает ту сторону натуры Хотькова, которая была скрыта, и смотрит на художника совсем другими глазами. Относительно «рамочного текста» отметим: эта история происходит в «Поездке по Волге», по реке, символизирующей глубинные нравственные традиции, устои. «Поездка» (движение) тут многомерное — и пространственное, и нравственно-духовное. Вот он, потенциал рамочного текста, затрагивающего персонажную систему, хронотопы, интертекстуальные взаимодействия, жанровую природу. В «Поездке по Волге» начинает вдруг звучать эхо «Фрегата “Паллады”»:

Мне видится длинный ряд бедных изб, до половины занесенных снегом. По тропинке с трудом пробирается мужичок в заплатках. У него висит холстинная сума через плечо, в руках длинный посох, какой носили древние. Он подходит к избе и колотит посохом, приговаривая: «Сотворите святую милостыню». Одна из щелей, закрытых крошечным стеклом, отодвигается, высовывается обнаженная загорелая рука, с краюхой хлеба. «Прими Христа ради!» — говорит голос. Краюха падает в мешок, окошко захлопывается. Нищий, крестясь, идет к следующей избе: тот же стук, те же слова и такая же краюха падает в суму. И сколько бы ни прошло старцев, богомольцев, убогих, калек, перед каждым отодвигается крошечное окно, каждый услышит: «Прими Христа ради», загорелая рука не устает высовываться, краюха хлеба неизбежно падает в каждую подставленную суму» [Гончаров 1997. 2: 64].

Монография Г. Г. Багаутдиновой, насыщенная интересными сопоставлениями, фактами, позволяющими по-новому взглянуть на личность И. А. Гончарова и его взаимоотношения с современниками, тем и отличается, что выводит гончароведение на качественно новый виток, предрасполагает к ответным поисковым усилиям, рождает вопросы и неожиданные параллели. Это сильное, современное исследование, заметно масштабирующее теневую сторону творчества писателя и мельчайшую языковую работу (которой Гончаров придавал огромное значение) и вместе с тем актуализирующее такие понятия-ключи, как

архитектоника, ритм, жанр. Исследование поэтики нероманной прозы, обрамленной рамочным текстом, анализ языковых орнаментов выводит на концептуальные для науки о Гончарове вопросы о художественной пространственности и темпоральности, симметрии и гармонии, о ритме гончаровской прозы. «...Уникальный ландшафт Санкт-Петербурга, — заключает Г. Г. Багаутдинова, — его архитектура словно бы воплотилась утонченной геометрией на страницах посмертных произведений писателя, тем самым И. А. Гончаров словно бы выразил свое почтение удивительному городу <...> с удивительной диссонансной гармонией» [Багаутдинова 2024: 291]. Действительно, в «Поэтике нероманной прозы И. А. Гончарова» ощутим, кроме всего прочего, мета-взгляд на языковую личность писателя, неотделимую от его биографии и судьбы.

Список литературы

Источники

Гончаров И. А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. / подгот. Т. И. Орнатская; РАН. Ин-т рус. Лит. (Пушк. дом). СПб.: Наука, 1997–. Т. 1. 832 с.; Т. 2. 746 с; Т. 4. 492 с.

Гончаров И. А. Собр. соч.: в 8 т. / подгот. текста и примеч. А. Г. Цейтлина. М.: Правда, 1952. Т. 7. 536 с.

И. А. Гончаров и К. К. Романов. Неизданная переписка. Псков: ПОИПК, 1993. 304 с.

Исследования

Багаутдинова Г. Г. Искусство и художник в романах И. А. Гончарова. Йошкар-Ола: РИЦ МарГУ, 2018. 178 с.

Багаутдинова Г. Г. Кумулятивность как структурообразующий принцип в очерке И. А. Гончарова «Уха»: к постановке проблемы // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 3. С. 37–46. <https://doi.org/10.26158/ТК.2023.24.3.003>

Багаутдинова Г. Г. Поэтика нероманной прозы И. А. Гончарова. Йошкар-Ола: Марийский гос. ун-т, 2024. 296 с.

Багаутдинова Г. Г. Факторы создания ритмической прозы в «Слугах старого века» И. А. Гончарова // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т. 12. № 4 (32). С. 125–130. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-4-125-130

Гродецкая А. Г. Проза И. А. Гончарова: 1830–1860-е (биографика, контекст, поэтика): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2016. 398 с.

Гузь Н. А. Ритмическая организация в романах И. А. Гончарова // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4 (41). С. 3–6.

Денисенко С. В. Псевдо-катарсис после псевдо-анагнориза: «Уха» И. А. Гончарова // Все озарения мира: анагноризм в литературе и искусстве: сб. ст. СПб.; М.: Сам полиграфист, 2022. С. 86–96.

Ермолаева Н. Л. Человек играющий в эпосе И. А. Гончарова // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3. С. 218–241. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-218-241>

Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Таллин: Александра, 1992. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.

Мельник В. И. Тема Божьей тайны в «Ухе» И. А. Гончарова // *Вестник славянских культур*. 2017. Т. 46. С. 165–176.

Мельник В. И. Поэтика эпического образа у И. А. Гончарова // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022. Т. 14, № 3. С. 113–124. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-113-124>

Недзвецкий В. А. И. А. Гончаров — романист и художник. М.: МГУ, 1992. 173 с.

Пырков И. В. Гнездо над обрывом. Ритм, пространство и время в русской усдебной литературе XIX века (И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. П. Чехов). Саратов: Саратовская гос. юридическая академия, 2017. 392 с.

Пырков И. В. Ритмическая организация романа И. А. Гончарова «Обломов»: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006. 149 с.

Швецова Т. В. Кризис поступка героя в очерке И. А. Гончарова «Иван Савич Поджабрин» // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2017. № 8. С. 38–44.

References

Bagautdinova, G. G. *Iskusstvo i khudozhnik v romanakh I. A. Goncharova* [Art and the Artist in the Novels of I. A. Goncharov]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2018. 178 p. (In Russ.)

Bagautdinova, G. G. “Kumuliativnost’ kak strukturoobrazuiushchii printsip v ocherke I. A. Goncharova ‘Ukha’: k postanovke problemy” [“Cumulativity as a Structure-Forming Principle in I. A. Goncharov’s Essay ‘Ukha’: Towards the Problem’s Statement”]. *Traditsionnaia kul’tura*, vol. 24, no. 3, 2023, pp. 37–46. <https://doi.org/10.26158/TK.2023.24.3.003> (In Russ.)

Bagautdinova, G. G. *Poetika neromannoi prozy I. A. Goncharova* [Poetics of I. A. Goncharov’s Non-Novel Prose]. Yoshkar-Ola, Mari State University Publ., 2024. 296 p. (In Russ.)

Bagautdinova, G. G. “Faktory sozdaniia ritmicheskoi prozy v ‘Slugakh starogo veka’ I. A. Goncharova” [“Factors of Creating Rhythmic Prose in ‘Servants of the Old Century’ by I. A. Goncharov”]. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 12, no. 4 (32), 2018, pp. 125–130. DOI: 10.30914/2072-6783-2018-12-4-125-130 (In Russ.)

Grodetskaia, A. G. *Proza I. A. Goncharova: 1830–1860-e (biografika, kontekst, poetika)* [I. A. Goncharov’s Prose: 1830–1860 (Biography, Context, Poetics): DSc Dissertation]. St. Petersburg, 2016. 398 p. (In Russ.)

Guz, N. A. “Ritmicheskaia organizatsiia v romanakh I. A. Goncharova” [“Rhythmic Organization in I. A. Goncharov’s Novels”]. *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniia*, no. 4 (41), 2013, pp. 3–6. (In Russ.)

Denisenko, S. V. “Psevdo-katarsis posle psevido-anagnorizisa: ‘Ukha’ I. A. Goncharova” [“Pseudo-Catharsis After Pseudo-Anagnorisis: ‘Ukha’ by I. A. Goncharov”]. *Vse ozareniia mira: anagnorizis v literature i iskusstve: sbornik statei* [All the Insights of the World: Anagnorisis in Literature and Art: Collection of Articles]. St. Petersburg, Moscow, Sam poligrafist Publ., 2022, pp. 86–96. (In Russ.)

Ermolaeva, N. L. “Chelovek igraiushchii v epose I. A. Goncharova” [“Homo Ludens in the Epic by I. A. Goncharov”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 218–241. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-218-241> (In Russ.)

Lotman, Iu. M. *Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected Articles: in 3 vols.], vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on Semiotics and Typology of Culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. 479 p. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Tema Bozh'eï tainy v ‘Ukhe’ I. A. Goncharova” [“The Theme of Divine Mystery in ‘Ukha’ by I. A. Goncharov”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 46, 2017, pp. 165–176. (In Russ.)

Meľnik, V. I. “Poetika epicheskogo obraza u I. A. Goncharova” [“Poetics of the Epic Image in I. A. Goncharov”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, vol. 14, no. 3, 2022, pp. 113–124. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-113-124> (In Russ.)

Nedzvetskii, V. A. *I. A. Goncharov — romanist i khudozhnik* [I. A. Goncharov, a Novelist and Artist]. Moscow, Moscow State University Publ., 1992. 173 p. (In Russ.)

Pyrkov, I. V. *Gnezdo nad obryvom. Ritm, prostranstvo i vremia v russkoi usadebnoi literature XIX veka (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)* [Nest over the Cliff. Rhythm, Space and Time in Russian Estate Literature of the 19th Century (I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, A. P. Chekhov)]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2017. 392 p. (In Russ.)

Pyrkov, I. V. *Ritmicheskaja organizatsiia romana I. A. Goncharova “Oblomov”* [Rhythmic Organization of I. A. Goncharov’s Novel “Oblomov”: PhD Dissertation]. Saratov, 2006. 149 p. (In Russ.)

Shvetsova, T. V. “Krizis postupka geroia v ocherke I. A. Goncharova ‘Ivan Savich Podzhabrin.’” [“Crisis of the Hero’s Act in I. A. Goncharov’s Essay ‘Ivan Savich Podzhabrin.’”] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 8, 2017, pp. 38–44. (In Russ.)